

МРНТИ 15.41.31

НОРМЫ МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО ПОВЕДЕНИЯ РУССКИХ И ТУРКМЕНСКИХ СТУДЕНТОВ

О. И. Ключко¹, Н. Н. Морозова², Е. В. Самосадова³

¹Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

²Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П.Огарева, Саранск, Россия

³Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева, Саранск, Россия
klyuchkooi@mgpu.ru, nnm2605@yandex.ru samosadova_ev@mail.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования норм мужского и женского поведения в гендерной ментальности русских и туркменских студентов, обучающихся в провинциальном российском вузе. Данные исследования демонстрируют, что у современных студентов обнаруживается приверженность к смешанному варианту гендерных норм, включающему как традиционалистские, так и эгалитарные модели поведения. Сравнительный анализ позволил выявить статистически достоверные различия представлений студентов в зависимости от пола и национальности. Более традиционалистских взглядов респонденты склонны придерживаться в отношении норм мужского поведения. Более консервативными оказались представления туркменских студентов обоих полов.

Ключевые слова: гендерная ментальность, студенты, нормы мужского поведения, нормы женского поведения, традиционалистские нормы, эгалитарные нормы.

Подготовлено при поддержке РФФИ (проект 18-013-01207)

Введение

Современный этап развития науки и общества характеризуется устойчивым интересом к проблеме гендерных трансформаций, происходящих в социуме, – изменению ролевого баланса, моделей поведения, системы отношений, институтов социализации мужчин и женщин. Такие исследования имеют огромное практическое значение в прогнозировании процессов общественного развития, предотвращения и конструктивного разрешения противоречий на уровне личности, больших и малых социальных групп, что особенно актуально в условиях стремительных социальных преобразований. Наглядной иллюстрацией обостренной чувствительности к подобным изменениям является, например, публичное обсуждение проекта закона о профилактике семейного насилия в Российской Федерации, вызвавшее как широкий общественный резонанс, так и диаметрально противоположные точки зрения граждан, политиков и экспертов¹.

В работах зарубежных (С.Л. Бем, Э. Маккоби, М. Киммел и пр.) и отечественных исследователей (Е.В. Иоффе, И. С. Кон, И.С. Клецина, А.А. Чекалина и др.), вычленяется общий тренд в изучении феноменов гендерной психологии в направлении от изучения гендерных различий к вычленению и систематизации компонентов гендерной ментальности, одновременно же фиксируется переход от патриархатных к эгалитарным гендерным нормам.

Вслед за И.С. Клециной и Е.В.Иоффе, мы рассматриваем гендерные нормы как вариант социальных норм, представляющие собой правила, образцы поведения, стандарты деятельности мужчин и женщин как членов общества и представителей разных социальных групп, в которых находят отражение идеалы и ценности, доминирующие в обществе в конкретный период времени. Гендерные нормы характеризуются максимальной культурной составляющей, устойчивостью и универсальностью, что позволяет им регулировать поведение мужчин и женщин в различных сферах жизнедеятельности [1;11].

Попытки описать традиционные (как патриархатные) и более современные (понимаемые как эгалитарные) гендерные нормы предпринимались неоднократно. Так, нормативный канон традиционной (гегемонной) маскулинности многие авторы (З. Гердес, М. Киммел, И.С. Кон,

¹ <http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611>

Дж. О'Нил) описывают как совокупность требований – избегать всего женственного, придерживаться эмоциональной сдержанности, жесткости, твердости и агрессии, самостоятельности, ориентироваться на достижение высокого статуса, обезличенную сексуальность и гомофобию [2, 3].

Типичные нормы женского поведения традиционалистского типа (фемининность), описанные Б. Фридан, Р. Коннелом, И.С. Клециной и многими другими включает установку на материнство, значимость привлекательной внешности, стремление быть хорошей хозяйкой, готовность заботиться о семье и близких людях, эмоциональную чувствительность, мягкость, уступчивость, слабость и незащитность.

Эгалитарные нормы гендерного поведения представляют собой не столько антиподы традиционалистских норм, сколько уход от эталонных моделей фемининности и маскулинности, что проявляется в установках на равноправные, партнерские отношения с людьми, на конструктивный способ решения проблем, на открытость в отношениях, на личностное развитие женщин и мужчин в разных сферах жизни [1; 78]

Однако для современного социума характерно ускорение всех процессов, вынуждающих человека постоянно приспосабливаться, изменяться, соотносить свою идентичность с изменениями социума. Одним из самых значимых изменений на уровне ментальности общества XX-XXI веков являются гендерные трансформации, или так называемая гендерная революция (выражение И.С. Кона) [4]. Каждое общество, страна, большая социальная группа в собственном темпе и с качественным своеобразием продвигаются к ценностям эгалитаризма, эмансипации, партнерства, что, безусловно, зависит от множества социальных факторов, важнейшими из которых являются уровень развития образования и культуры, демократизации и экономического благосостояния государства, распространенность и значимость религиозных взглядов, особенности социальной политики, идеологии, информационной среды (R.F. Inglehart и др.[5]; Г.Г. Силласте [6], Ж. Чернова [7], Л.В. Штылева [8], Р. Thijs [9] и другие).

Обзор литературы

Гендерная ментальность как феномен группового сознания обобщает огромный спектр психических явлений, касающихся понимания людей как представителей того или иного пола, и следующих из этого когнитивных, эмоционально-смысловых и поведенческих паттернов, в последние десятилетия подвергается значительным изменениям. Тем не менее, по сравнению с другими социальными нормами (этническими, конфессиональными, профессиональными и пр.), гендерные нормы остаются наиболее значимыми [10].

Молодежь является социальной группой, которая, во-многом, является индикатором любых изменений, она склонна к экспериментам, часто меняет имиджи, ее представления более гибкие, в том числе и представления о гендерных нормах и отношениях. Однако сама молодежная среда в настоящий момент крайне неоднородна, соответственно гендерные нормы и соответствующие им роли могут существенно отличаться в различных социальных группах.

Постсоветское пространство, несмотря на существенные преобразования в культурной, политической, социальной сферах, происходящих в последние десятилетия, достаточно устойчиво в плане сохранения традиционной модели гендерных отношений и стереотипов женственности и мужественности. Тем не менее, изменение гендерных норм напрямую зависит от места проживания и социального опыта, как правило, проживающие в крупных городах мужчины и женщины чаще демонстрируют более эгалитарные нормы по сравнению с периферийными, провинциальными регионами. Так, анализируя особенности гендерных трансформаций в структуре ментальности россиян, проживающих в малых городах Крайнего Севера, О. Ю. Слепнева выделяет как важный социальный фактор, влияющий на процесс данных трансформаций социальную неопределенность. Стремительные социальные изменения приводят к размыванию представлений, связанных с гендерными нормами и ролями во всех возрастных группах, но наиболее сильно – в молодежной среде. В условиях социальной неопределенности мужчины чувствуют себя психологически более комфортно, а женщины, испытывая эмоциональное напряжение, занимают более активную жизненную позицию по сравнению с мужчинами [11].

Существенный момент, на который хочется обратить внимание, в том, что преобладающим типом гендерной идентичности, выявляемый в последние десятилетия у мужчин и женщин во всех

возрастных группах, является андрогинность как совокупность традиционно мужских и женских свойств (О.Б. Лопухова, 2013; В.А. Кочнев, 2019; А.А. Чекалина, 2015). В соответствии с теорией гендерной схемы С.Л. Бем, мы понимаем и принимаем условность обозначения качеств как женских и мужских (фемининных и маскулинных), однако используем эти термины для анализа и выявления тенденций в гендерной ментальности, поскольку существует значительный объем эмпирических данных на основе теории андрогинии.

В то же время, несмотря на достаточно высокий уровень осознания гендерных трансформаций, степень принятия современных изменений качеств и поведения у современных российских юношей и девушек неоднозначна. Наше исследование в 2018-19 годов с помощью группового интервью продемонстрировало противоречивость восприятия гендерных трансформаций. В представлениях студентов зафиксированы основные гендерные трансформации современности, расширение диапазона гендерных ролей и амбивалентность психологических качеств. Одновременно студенты проявили критичность в оценках изменений противоположного и идеализацию своего пола, дефицит партнерства и сотрудничества. Молодежь мегаполиса продемонстрировала существенную тенденцию сдвига к эгалитарным отношениям, однако студенты небольших городов и поселков (и девушки, и юноши) пока апеллируют к традиционным гендерным нормам, подтверждая консервативность провинциальной ментальности [12].

По данным И. С. Клециной и Е. В. Иоффе, подавляющее большинство современных юношей и девушек, ориентированы на смешанную модель гендерных отношений, включающую как традиционалистские, так и эгалитарные нормы и соответствующие им модели поведения. При этом юноши демонстрируют значительно большую приверженность традиционалистской маскулинной идеологии, в то время как девушки чаще проявляют ориентированность на эгалитарные нормы. Исключение составляет традиционная норма мужского поведения, предполагающая социальную успешность [13].

В исследовании Е. В. Самосадовой и Н. Ф. Сухаревой предпринята попытка изучения гендерных отношений студентов-первокурсников провинциального российского вуза. Гендерные отношения изучались через образ сверстника и его трансформацию. Полученные результаты свидетельствуют о том, что образ сверстника у испытуемых носит в целом традиционный характер, однако наблюдается отход от таких традиционных качеств мужчины как агрессия и доминирование. Трансформация гендерного образа сверстницы проявляется в большей степени. Несмотря на то, что большинством девушек принимаются традиционные женские личностные качества (доброта, признается доминирующая роль в общении за сверстниками-мужчинами в ситуации конфликта или затруднения), наряду с этим они ориентируются во взаимоотношениях на активность, стремление к партнерской модели гендерных отношений. Результаты исследования также свидетельствуют о приверженности большинства испытуемых юношей и незначительного количества девушек к традиционалистским нормам мужского поведения. В целом, полученные данные демонстрируют приверженность юношей и девушек традиционалистским нормам мужского поведения, при этом юноши, в отличие от девушек, оказались менее готовы к эгалитарным нормам мужского поведения. Меньшинство респондентов юношей и девушек однозначно проявляют приверженность традиционалистским нормам женского поведения, большинство ориентируются на смешанный тип модели фемининности [14].

Одним из мощных факторов, стимулирующих трансформацию гендерной ментальности, является феномен миграции. Оказываясь в условиях более эгалитарной культуры, мигранты усваивают идеи гендерного равенства, что проявляется в общении, брачных стратегиях, выборе работы. Анализируя трансформации в области гендерных ролей на примере украинских мигрантов, А. Толстокорова отмечает, что в наибольшей степени им подвержены молодые девушки, выезжающие за рубеж в поисках трудоустройства, а не женщины старшего поколения или мужчины. Однако подобные изменения далеко не всегда влияют на поведение людей в повседневной жизни, особенно в тех случаях, когда они возвращаются на родину, в условия более традиционной культуры [15].

Другим важным моментом активизации межкультурных коммуникаций и изменения гендерной ментальности является обучение иностранных студентов в вузах. Попытки сравнительного изучения гендерного поведения и связанных с ним стереотипов у российских и

иностраннных студентов предпринимались последние двадцать лет. Так, предметом исследования Т.Е. Ломовой являлись гендерные стереотипы русских и китайских студентов, обучающихся в провинциальном российском вузе, при этом была отмечена относительно большая консервативность китайских респондентов. Кроме того, девушки, независимо от этнической принадлежности, с одной стороны, более ориентированы на семейные ценности, а, с другой, не хотели бы воспроизводить в своих семьях опыт родителей, проявляя, таким образом, меньшую приверженность к традиционному семейному укладу по сравнению с юношами [16].

Близкие данные были получены Е.В. Иоффе при изучении гендерных норм российских и казахских студентов, которая отмечает, что, несмотря на преимущественные смешанные гендерные нормы у молодежи, по сравнению с российскими, казахстанские студенты, особенно юноши, в основном ориентированы на четкое распределение ролей, закрепленное за каждым полом. Большинство респондентов и значительная часть респонденток из Казахстана привержены традиционному типу гендерных норм и смешанному типу, близкому к традиционным нормативным установкам относительно мужского поведения и в отношении женского поведения. Автор полагает, что сдерживающим фактором распространения гендерных норм эгалитарного типа и современных супружеских нормативных установок в Казахстане можно считать ценность традиций и специфический менталитет, обусловленный не столько этничностью, сколько принадлежностью к различным социальным слоям общества. Например, респонденты из Казахстана, которые провели детство в таких мегаполисах, как Алма-Ата и Астана, или в других крупных городах, значимо больше ориентированы на самореализацию вне семьи и автономии супругов, чем проходившие первичную социализацию в малых городах и поселениях [17].

Таким образом, место жительства и этническая принадлежность определяются как ведущие факторы содержания гендерной ментальности, оказывающие влияние на изменение гендерных норм от традиционалистских к эгалитарным. Изучение тенденций в развитии гендерных норм отдельных этносов и групп имеет как прогностический смысл, так и является основой для профилактики гендерных конфликтов и мер по адаптации молодежи в различных социальных, в том числе образовательных условиях.

Дизайн исследования

Данное исследование является элементом российского исследования гендерных трансформаций в ментальности молодежи российских мегаполисов и провинций, в котором изучались нормы мужского и женского поведения, гендерная идентичность и самосознание школьников и студентов Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Саранска, Коломны и других городов России. Этническая неоднородность выборки привела к необходимости введения данной переменной в анализ данных, несмотря на то, что изучение влияния этнической принадлежности не являлось для нас приоритетным. Кроме того, в некоторых вузах сформированы национальные диаспоры студентов из стран СНГ (Узбекистана, Казахстана, Туркменистана и других стран), которые участвовали в нашем исследовании в 2019 году.

Целью исследования являлось сравнительное изучение гендерных норм мужского и женского поведения русских и туркменских студентов, обучающихся в условиях российского педагогического вуза провинциального города. Опытной-экспериментальной базой исследования стал ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева» (МГПИ), г. Саранск, Республика Мордовия. Всего в данном исследовании приняли участие 177 человек: 118 российских студентов (57 девушек и 41 юноша) в возрасте 17-20 лет и 59 туркменских студентов (28 девушек и 31 юноша) в возрасте 19-24 года.

В выборку российских студентов вошли учащиеся 1-2 курсов факультета психология и дефектология профилей «Психология», «Логопедия», обучающиеся на очной форме обучения, проживающие в провинциальных городах Российской Федерации (Саранск, Рузаевка, Пенза) и жители деревень и поселков Республики Мордовия, Нижегородской, Пензенской и Ульяновской областей.

В выборку туркменских студентов вошли юноши и девушки 1-2 курсов, приехавшие в вуз по межгосударственному контракту между Туркменией и Россией, и получающие высшее образование на разных факультетах МГПИ (профили «Психология», «Логопедия», «Биология», «Химия», «Спортивная тренировка в избранном виде спорта» и прочие). В Туркменистане все

респонденты проживают в городе Туркменабаде и селах Лебапского района. Таким образом, все респонденты могут быть отнесены к группе студенческой молодежи, проживающей в условиях провинциального региона и являющейся носителями провинциальной ментальности.

Исследование норм мужского и женского поведения, присущих представителям разного пола, нами осуществлялось с помощью методик И.С. Клециной и Е.В. Иоффе «Нормы мужского поведения» и «Нормы женского поведения», показатели выше среднего соответствует приверженности традиционным нормам, показатели ниже среднего – приверженности эгалитарным нормам, средний уровень фиксирует смешанные нормы [18; 52]. С целью проверки статистической достоверности различий между выборками по этническому и половому признакам использовался ϕ -критерий угловое преобразование Фишера.

Результаты исследования

На первом этапе нашего исследования нами была поставлена задача изучения норм мужского и женского поведения российских студентов. Результаты, полученные при выполнении опросника «Нормы мужского поведения», представлены в таблице 1.

Таблица 1 - Приверженность традиционалистским нормам мужского поведения российских студентов

Уровень	Юноши	Девушки
Выше среднего	31,7%	17,5%
Средний	61,0%	66,7%
Ниже среднего	7,3%	15,8%

Согласно данным таблицы 1, показатели приверженности традиционалистским нормам мужского поведения у юношей в основном распределились по двум уровням: среднему (61%) и выше среднего (31,7%). Лишь 7,3% наших респондентов продемонстрировали уровень «ниже среднего» в оценке своей приверженности традиционалистским нормам. Большинство девушек также продемонстрировали средний уровень в оценке желательности традиционных норм гендерного поведения и отношений у мужчин (66,7%). Можно также отметить, что в выборке присутствовало небольшое число респонденток, проявивших выраженную приверженность к традиционалистским нормам мужского поведения, а также, напротив, считающих наличие таких норм скорее необязательным. При сопоставлении показателей приверженности традиционалистским нормам мужского поведения у юношей и девушек с помощью критерия Угловое преобразование Фишера были получены достоверные различия на $p \leq 0,001$ уровне статистической значимости ($\phi_{эмп} = 2,339$).

Результаты изучения приверженности модели женского поведения представлены в таблице 2.

Таблица 2 - Приверженность традиционалистской модели женского поведения российских студентов

Уровень	Юноши	Девушки
Выше среднего	24,3%	15,6%
Средний	51,3%	43,8%
Ниже среднего	24,4%	40,6%

Согласно данным таблицы 2, у юношей показатели приверженности традиционалистской модели феминности распределились следующим образом: основное число юношей (51,3%) продемонстрировало средний уровень, выше среднего и ниже среднего по 24,3%. У девушек показатель среднего уровня составил 43,8%, ниже среднего – 40,6%, выше среднего – 15,6%. В

целом можно отметить, что российские студентки провинциального вуза демонстрируют больший отход от традиционной модели феминности, по сравнению с юношами.

При сопоставлении показателей низких значений приверженности традиционалистской модели феминности с помощью критерия Угловое преобразование Фишера были получены достоверные различия на $p \leq 0,001$ уровне статистической значимости ($\varphi_{эмп} = 2,468$). Остальные показатели существенно не различались.

На втором этапе нашего исследования была поставлена задача изучения приверженности нормам мужского и женского поведения студентов из Туркменистана. Результаты, полученные при выполнении опросника «Нормы мужского поведения», представлены в таблице 3.

Таблица 3 - Приверженность традиционалистским нормам мужского поведения туркменских студентов

Уровень	Юноши	Девушки
Выше среднего	74,2%	31,2%
Средний	25,8%	68,8%
Ниже среднего	-	-

Согласно данным таблицы 3, показатели приверженности традиционалистским нормам мужского поведения и у юношей, и у девушек распределились по двум уровням. Большинство туркменских студентов продемонстрировало приверженность традиционалистским нормам мужского поведения, а смешанные нормы обнаружились у 25,8% юношей. Показатели туркменских студенток также распределились по среднему (68,8%) и выше среднего (31,2%) уровням. Приверженность к эгалитарным нормам в данной выборке не наблюдается ни у юношей, ни у девушек. Однако туркменские юноши чаще девушек проявляют приверженность традиционным нормам в оценке мужского поведения.

При сопоставлении показателей приверженности традиционным нормам мужского поведения у юношей и девушек с помощью критерия Угловое преобразование Фишера были обнаружены достоверные различия на $p \leq 0,001$ уровне статистической значимости ($\varphi_{эмп} = 6,257$).

Результаты изучения норм женского поведения представлены в таблице 4.

Таблица 4 - Приверженность традиционалистской нормам женского туркменских студентов

Уровень	Юноши	Девушки
Выше среднего	80,6%	50%
Средний	12,9%	35,7%
Ниже среднего	6,5%	14,3%

Согласно данным таблицы 4, у юношей показатель приверженности традиционалистской модели феминности распределился следующим образом. Уровень выше среднего продемонстрировали подавляющее большинство юношей (80,6%) и половина девушек (50%), принимавших участие в исследовании. Средний уровень (смешанные нормы) был выявлен у 12,9 % юношей и 35,7 % девушек, уровень ниже среднего (эгалитарные нормы) у 6,5 % юношей и 14,3% девушек.

При сопоставлении высоких и средних показателей приверженности традиционалистской модели феминности с помощью критерия Угловое преобразование Фишера были получены значимые различия на $p \leq 0,001$ уровне статистической значимости ($\varphi_{эмп} = 4,653$; $\varphi_{эмп} = 3,861$). При сопоставлении эгалитарных норм у туркменских групп юношей и девушек были получены значения находящиеся в зоне неопределенности ($\varphi_{эмп} = 1,838$).

Далее было проведено сравнение показателей приверженности традиционалистским нормам мужского и женского поведения российских и туркменских студентов. Результаты,

свидетельствуют о том, что в выборке туркменских юношей были обнаружены только два уровня приверженности традиционным нормам мужского поведения: выше среднего и средний – смешанные и традиционные нормы. Туркменские студенты отвергают возможность проявления эгалитарных норм мужского поведения.

Половина российских студентов продемонстрировала приверженность смешанным нормам мужского поведения и примерно по четвертой части российских юношей показатели выше и ниже среднего. При сравнении показателей приверженности традиционалистской модели мужского поведения у юношей двух стран обнаружены различия на $p \leq 0,001$ уровне статистической значимости ($\varphi_{эмп} = 6,223$; $\varphi_{эмп} = 5,141$), свидетельствующие о большей приверженности туркменских юношей к традиционной модели мужского поведения. Для российских студентов наиболее типичной оказалась смешанная модель мужского поведения, совмещающая в себе как традиционные, так и эгалитарные взгляды.

Результаты исследования дают возможность увидеть, что российские и туркменские девушки больше привержены традиционным мужским нормам поведения, нежели женским. Основное число российских респонденток демонстрируют смешанные нормы. Приверженность к традиционным нормам мужского поведения проявило меньшее число студенток, при этом туркменские девушки чаще одобряют традиционные нормы мужского поведения. Различия значимы на $p \leq 0,005$ уровне статистической значимости ($\varphi_{эмп} = 2,036$).

Сравнение показателей приверженности традиционным нормам женского поведения показало, что основная часть юношей, принимавших участие в нашем исследовании, придерживаются данной модели. Однако, по сравнению с взглядами туркменских юношей, модель феминности у российских студентов выглядит несколько более «размытой». Примерно половина российских респондентов имеют смешанные нормы, а остальные разделились на практически одинаковые группы, демонстрирующие традиционные и эгалитарные нормы. Туркменские юноши в подавляющем большинстве случаев одобряют фемининную модель (80,6%). Лишь 12,9% туркменских студентов придерживаются смешанных норм, и всего 6,5% - эгалитарных. При сравнении высоких, средних и низких значений выявлены существенные различия на $\leq 0,001$ уровне статистической значимости ($\varphi_{эмп} = 8,471$; $\varphi_{эмп} = 6,095$; $\varphi_{эмп} = 3,656$).

Девушки также обнаруживают значительный разброс мнений в оценке приверженности к модели традиционной феминности. Однако более традиционные взгляды выражают туркменские девушки: 50% высказываются в пользу традиционных норм и лишь 15% демонстрируют приверженность эгалитарным нормам. В этом обнаруживается существенное отличие от группы российских респонденток, которые в 40,6% случаев считают нормальным проявление феминных качеств на уровне ниже среднего, а максимально высокое проявление этих качеств одобряет всего 15,6% российских студенток. При сравнении традиционных и эгалитарных взглядов российских и туркменских девушек с помощью углового преобразования Фишера были получены различия соответствующие $p \leq 0,001$ уровню статистической значимости ($\varphi_{эмп} = 5,367$; $\varphi_{эмп} = 4,151$).

Заключение

Результаты проведенного исследования позволили нам сделать следующие выводы:

1. Российские студенты-юноши проявляют более традиционные взгляды на нормы мужского поведения, чем девушки-россиянки (различия на $p \leq 0,001$ уровне статистической значимости, $\varphi_{эмп} = 2,339$).

2. Российские студенты независимо от пола в основном высказывают смешанные и эгалитарные взгляды на модель феминности.

3. Туркменские студенты независимо от пола в основном одобряют традиционную модель мужского поведения и проявляют неприятие эгалитарных норм. Однако туркменские юноши чаще по сравнению с девушками демонстрируют высокий уровень приверженности традиционным взглядам на мужское поведение (различия на $p \leq 0,001$ уровне статистической значимости; $\varphi_{эмп} = 6,257$).

4. Туркменские студенты демонстрируют традиционные взгляды на модель феминного поведения, однако юноши в большей степени по сравнению с девушками одобряют традиционную нормы женского поведения (различия на $p \leq 0,001$ уровне статистической значимости).

5. Туркменские юноши демонстрируют большую приверженность традиционной модели мужского поведения, а для российских студентов наиболее типичной оказалась смешанная модель мужского поведения, совмещающая в себе как традиционные, так и эгалитарные взгляды. (различия на $p \leq 0,001$ уровне статистической значимости; $\varphi_{эмп} = 6,223$; $\varphi_{эмп} = 5,141$).

6. Туркменские девушки чаще одобряют традиционные нормы мужского поведения, по сравнению с российскими студентками (различия значимы на $p \leq 0,005$ уровне статистической значимости; $\varphi_{эмп} = 2,036$).

7. Туркменские юноши демонстрируют выраженную приверженность традиционной модели фемининности по сравнению с российскими студентами (различия на $p \leq 0,001$ уровне статистической значимости).

8. Туркменские девушки проявляют приверженность традиционной модели феминности, а российские студентки склонны поддерживать эгалитарную модель (различия на $p \leq 0,001$ уровне статистической значимости).

Таким образом, данное исследование подтверждает мировую тенденцию значительного изменения традиционных женских норм по сравнению с мужскими нормами у всех этнических групп, в то же время мы видим неодинаковый темп изменения гендерных норм у молодежи разных этносов – гендерные трансформации в ментальности российских студентов выражены больше по сравнению с молодежью Туркменистана. Очевидно, что именно первичная социализация в разных культурных условиях (место проживания, тип культуры) определяет своеобразие приверженности гендерным нормам, что необходимо учитывать при разработке программ адаптации в российских условиях иностранных студентов, в том числе для профилактики этнических и гендерных конфликтов, построения толерантных межличностных отношений в образовательных условиях вузов.

Список литературы

1. Клецина И.С., Иоффе Е.В. (2019) Гендерные нормы как социально-психологический феномен: монография. М.: Проспект. - 144 с
2. O'Neil J.M. (2014) Men's gender role conflict: Psychological Costs, Consequences, and an agenda for change. Washington, D.C.: American Psychological Association <https://james-oneil.uconn.edu/mens-gender-role-conflict/>
3. Gerdes, Zachary & Alto, Kathleen & Jadaszewski, Stefan & D'Auria, Francisco & Levant, Ronald (2017). A Content Analysis of Research on Masculinity Ideologies Using All Forms of the Male Role Norms Inventory (MRNI). *Psychology of Men & Masculinity*. 19. DOI: 10.1037/men0000134
4. Кон И.С. (2011) Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // Постклассические гендерные исследования: коллективная монография /отв. редактор Н.Х.Орлова. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. С.8-32.
5. Alexander A.C., Inglehart R., Welzel, C. (2016) Emancipating Sexuality: Breakthroughs into a Bulwark of Tradition. *Soc Indic Res* 129, 909–935. <https://doi.org/10.1007/s11205-015-1137-9>
6. Силласте Г.Г. (2019) Социальные транзисии и формирование нового гендерного порядка // *Женщина в российском обществе*. № 2. С. 3-16. DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.1
7. Чернова Ж. (2019) Незавершенная гендерная революция // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. №2. С. 222-242. DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.10
8. Штылева Л.В. (2017) Гендерная социализация в образовании: теория, история и современная практика: монография /ФБГНУ ИИДСВ РАО. СПб.: НИЦ-АРТ. – 524 с.
9. Thijs P., Te Grotenhuis M., Scheepers P. et al. (2019) The Rise in Support for Gender Egalitarianism in the Netherlands, 1979-2006: The Roles of Educational Expansion, Secularization, and Female Labor Force Participation. *Sex Roles* 81, 594–609. <https://doi.org/10.1007/s11199-019-1015-z>
10. Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. (2015) 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. - 768 с.
11. Слепнева О. Ю. (2008) Гендерные трансформации в структуре ментальности у населения малых городов России: реферат диссертации ... кандидата психологических наук : 19.00.05 / Ольга Юрьевна Слепнева, Костромской государственный университет. Кострома. - 28 с.
12. Ключко О.И. (2020) Гендерные трансформации в представлениях российской студенческой молодежи / Иоффе Е.В., Ерофеева М.А., Ключко О.И., Чекалина А.А., Сухарева Н.Ф., Самосадова Е.В.// *Женщина в российском обществе*. № 1. С.55-69. DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.5

13. Клещина И.С., Иоффе Е.В. (2019) Нормы женского поведения: традиционная и современная модели // Женщина в российском обществе. № 3. С.72-90. DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.6
14. Самосадова Е.В., Сухарева Н.Ф. (2018) Гендерные отношения сверстников в представлениях первокурсников вуза провинциального города // Проблемы современного педагогического образования. № 4 (61). С. 317-320.
15. Толстокорова А. (2013). Транснациональная и гендерная парадигмы в изучении международной мобильности: на примере Украины. Социологическое обозрение, 12 (2), 98-121.
16. Ломова Т.Е. (2004) Стереотипы в гендерных установках современной российской молодежи: дис. ... кандидата культурологии: 24.00.01 / Дальневост. гос. техн. ун-т. Владивосток. - 181 с.
17. Иоффе Е.В. (2019) Нормативные гендерные установки в сфере супружеского и родительского поведения у студентов России и Казахстана // Гендерные трансформации в ментальности и социализации учащейся молодежи: сборник статей // Под научной редакцией О.И. Ключко, А.А. Чекалиной. СПб.: НИЦ-АРТ, с. 47-53.
18. Ключко О.И. (2019) Методы исследования гендерной ментальности и социализации личности: учебно-методическое пособие / Ерофеева М.А., Иоффе Е.В., Ключко О.И., Самосадова Е.В., Сухарева Н.Ф., Чекалина А.А., Штылева Л.В. / под ред. О.И.Ключко. СПб: НИЦ-АРТ. - 182 с.

Standards for men's and women's behavior of Russian and Turkmen students

O.I. Klyuchko¹, N.N. Morozova², E.V. Samosadova³

¹Moscow City University, Moscow, Russian Federation

²National Research Mordovian State University. N.P. Ogareva, Saransk, Russia

³Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evsevieva, Saransk, Russia
klyuchkooi@mgpu.ru, nnm2605@yandex.ru samosadova_ev@mail.ru

The article presents the results of an empirical study of the norms of male and female behavior in the gender mentality of Russian and Turkmen students studying at a provincial Russian university. These studies demonstrate that modern students adhere to a mixed version of gender norms, including both traditionalist and egalitarian models of behavior. Comparative analysis revealed statistically significant differences in students' perceptions depending on gender and nationality. The respondents tend to adhere to more traditionalist views regarding the norms of male behavior. The views of Turkmen students of both sexes are more conservative.

Key words: *gender mentality, students, norms of male behavior, norms of female behavior, traditionalist norms, egalitarian norms.*

Орыс және түрікмен студенттеріндегі ерлер мен әйелдердің мінез-құлық нормалары

О. И. Ключко¹, Н. Н. Морозова², Е. В. Самосадова³

¹Мәскеу қалалық педагогикалық университеті, Мәскеу, Ресей

²Ұлттық зерттеу Мордовия мемлекеттік университеті. Н.П. Огарева, Саранск, Ресей

³Мордовия мемлекеттік педагогикалық институты Евсевиева М. Е., Саранск, Ресей
klyuchkooi@mgpu.ru, nnm2605@yandex.ru samosadova_ev@mail.ru

Мақалада провинциялық Ресей университетінде оқитын орыс және түрікмен студенттерінің гендерлік менталитетіндегі ерлер мен әйелдер мінез-құлық нормаларын эмпирикалық зерттеу нәтижелері келтірілген. Бұл зерттеулер қазіргі студенттердің гендерлік нормалардың, оның ішінде дәстүрлі және эгалитарлық мінез-құлық модельдерінің аралас нұсқасын ұстанатындығын көрсетеді. Салыстырмалы талдау студенттердің жынысына және ұлтына байланысты қабылдауындағы статистикалық маңызды айырмашылықтарды анықтауға мүмкіндік берді. Респонденттер ер мінез-құлық нормаларына қатысты дәстүрлі көзқарастарды ұстануға бейім. Екі жыныстағы түрікмен студенттерінің көзқарастары консервативті болып шықты.

Түйін сөздер: *гендерлік менталитет, студенттер, ер мінез-құлық нормалары, әйел мінез-құлығының нормалары, дәстүрлі нормалар, эгалитарлық нормалар.*

Поступила в редакцию 29.07.2020